

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ В XXI ВЕКЕ

Круглый стол в рамках VIII Российского философского конгресса
«Философия в полицентричном мире» (28-30 мая 2020 г.)

27 мая 2022 г.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

DOI: 10.32691/2410-0935-2022-17-294-321

Участники:

Гаевская Надежда Зеноновна, аспирант РХГА. г. Санкт-Петербург.

Гиренок Фёдор Иванович, д. филос. н., профессор, зав. кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Губман Борис Львович, д. филос. н., профессор. Тверской государственный университет. г. Тверь.

Данилов Вячеслав Николаевич, к. филос. н., доцент, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ.

Козолупенко Дарья Павловна, д. филос. н., профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ростова Наталья Николаевна, д. филос. н., профессор кафедры философской антропологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Смирнов Сергей Алевтинович, д. филос. н., ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН. г. Новосибирск.

Спирова Эльвира Маратовна, д. филос. н., зав. отделом Института философии РАН. г. Москва.

Стороженко Наталия Викторовна, аспирант Института философии РАН. г. Москва.

Фатенков Алексей Николаевич, д. филос. н., доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. г. Нижний Новгород.

Ростова Н. Н.: Сергей Алевтинович, я предлагаю начать с Вас.

Смирнов С. А.: Я не против. Я не делал презентации, поэтому я буду пытаться, если хотите, немного провоцировать слушающих, с тем, чтобы завязался разговор.

Мне кажется, с легкой руки Канта, который в своё время поставил главный с его точки зрения вопрос (Что такое человек?), начался процесс поиска ответа на него, и весь XX век философы пытались на него ответить, тем самым, мне кажется, попадая в большую ловушку. Все философские концепции XX века – это попытка ответить на этот, с моей точки зрения, доктринальный вопрос.

Сам вопрос (что такое человек?), провоцирует исследователя на ответ – что это такое, и каждый исследователь начинает выстраивать определённый концепт, доктрину, теорию о том, что такое человек, и в этой доктрине,

с его точки зрения, пытается удержать, как он понимает, сущность человека, пытается вскрыть эту самую природу.

Мне кажется, тем самым Кантом была поставлена большая ловушка. Насколько сознательно он это сделал, я не знаю, но XX век показал, что это типичное действие искать ответы на этот кантовский вопрос. Он, вопрос, провозирует на то, что мы никогда внятного и удовлетворяющего нас ответа не получим, мы получим разные версии, но всегда попадаем в ситуацию неудовлетворяющего нас ответа и вновь осуществляем поиск.

Вместо этого вопроса, думаю, имеет смысл ставить вопрос «Где есть человек?».

Приведу пример в качестве аналогии. Когда человек падает в обморок, то приходя в себя, какой вопрос он задает? Каков его первый вопрос? Он спрашивает не про то, что есть я, а про то, где я. Он спрашивает про то, где его место, как ему снова найти своё место в этом мире, как-то устояться в нем.

В этом смысле жизнь человека – это поиск человеком себя в смысле поиска себя в этом мире, который, заметим, не готов. Даже птички вьют гнезда, они эти гнезда делают из подручного материала, а человек тем более места этого не имеет. В этом смысле антропология – это такая рефлексия по поводу поиска меня мной, моего места, которое никогда не бывает готовым. Это место надо обустривать.

В этом смысле очевидно, что все существующие доктрины про человека не могут быть для меня ответом на этот мой поиск, и тогда сама антропология вынуждает себя искать иной метод работы, поисковый, отказываясь от доктринального метода, в пользу поискового метода или метода навигации.

Тогда получается, что возможный вариант антропологии – это антропологическая навигация, которая предполагает не порождение доктрин, а осуществление разного рода антропопрактик поиска человеком себя. Но тогда антропология по определению может быть только поисковой, только той, которая выстраивает навигацию и разного рода карты пути в этой навигации.

Тогда в этой связи внутри этого антропологического дискурса сама понятийная работа меняет свой жанр. В науке принято за понятиями и терминами иметь в виду какое-то содержание, которое этот понятийный каркас удерживает. Мы привыкли к тому, что понятие определяет нечто, какое-то содержание, зафиксированное в знаковой форме.

Но в поисковой парадигме получается, что понятие не удерживает никакого содержания, но оно может выступать в качестве указателя. Когда водитель едет по дороге, он видит указатели. Я из Новосибирска поехал в Москву, вот стоит указатель направления пути в Москву. Это всего-навсего знак, показывающий направление, а за самим знаком ничего не стоит, кроме того, что он указывает мне направление, которое мне важнее, чем сам указатель.

Тогда возникает другая проблема – верно ли я двигаюсь, туда ли? Я могу попасть в ситуацию дезориентации, могу вдруг увидеть, что не туда двигаюсь. Что за знаки ставятся на моем пути? Какие знаки я ставлю для того, чтобы идти в этом направлении? И тогда понятийная работа превращается в работу по ориентированию в этом пути навигации.

Сам набор понятий антропологического дискурса становится принципиально другим. Вместо таких понятий, как субъект, объект, познание, процессы

в человеке, природа человека, его сущность его, субстанция приходится выстраивать совсем другой словарь, состоящий из таких понятий-указателей, как навигация, место, горизонт, ориентир, карта пути, из таких, которые помогают мне ориентироваться в постоянном процессе продвижения, а само движение превращается в определённый набор, репертуар антропопрактик, с помощью которых я двигаюсь. Они мне дают энергетику движения.

Тогда есть проблема репертуара антропопрактик. Насколько полон репертуар, насколько он мне помогает двигаться в пути поиска места человека. Отсюда проблема биографии, автобиографии, проблема карты пути, составления карт. Тогда карты становятся черновиками, которые можно набрасывать, и они тоже не могут быть доктринами, концепциями, которые можно взять и передать другому. Прохождение по пути – это сугубо личностная навигация конкретного человека.

Тогда, если ставить такую задачу, тогда судьба антропологии и всего дискурса о человеке в XXI веке совсем по-другому выглядит. Мне кажется, тогда проблема технического отношения человека отпадает, и проблема искусственного интеллекта – это тоже псевдо-проблема.

Потому что человек теряет себя тогда, когда он пытается схватить и удержать однажды узнанное, на этом поспать, схватить некий отдельный опыт, выдаваемый за некую сущность, некую природу, которую он пытается обязательно удержать, а удерживает он всегда превращенную форму. Искусственный интеллект – это превращенная форма, это понятно, как, например, деньги выступают превращенной формой стоимости.

Но тогда происходит смещение оптики, тогда вопрос не про то, правильно или неправильно, истинно или ложно, верно или неверно я поступаю, эти категории уходят. Тогда ставится проблема осмысленного поиска действия на обретение и формирование места, которое всегда не готово, но всегда выступает для человека как его культурное задание.

Спасибо, я закончил.

Ростова Н. Н.: Спасибо, Сергей Алевтинович. Коллеги, вопросы? Федор Иванович, я смотрю, вы уже готовы?

Смирнов С. А.: Я Фёдора Ивановича дразнил специально.

Гиренок Ф. И.: Да, это удалось. Мне очень нравится всё то, что я услышал, но есть и то, что я плохо понял.

Во-первых, начнем с Канта. Кант много чего понимал и знал, но он не знал о радикальности смены вех в современной философии. Он догадывался о конце эпохи «онтологии» и говорил о необходимости в будущем исследования «сверхчувственного».

Речь идёт сейчас в целом о западной философии вообще, к коей мы с вами тоже принадлежим как некий второстепенный отросток.

Что касается реакции на «где я»? Ты проснулся и спрашиваешь, где я? Согласен, ответ очень простой – ты в сознании. Вопрос «где» как указательный жест обозначает присутствие здесь сознания.

Где? В Москве. Где? В Новосибирске. Какая ошибка? Никакого места в пространстве у человека нет. В чём заблуждение? В том, что все антропологии ищут место человека в мире и не могут найти. Почему? Потому что его нет.

В чём заблуждение любимого всеми экзистенциализма? В том, что его представители полагают данным бытие человека в мире. Бытие в мире –

это иллюзия. Потому что я могу быть в мире вещей, а могу быть в мире сознания. Это разные миры. Глядя из мира вещей, мы не поймем путешествия Блума, ибо это путешествия в мире сознания. А что не иллюзия? Призраки.

На вопрос «Где?» ответим: «Среди призраков». Что это значит? Это значит, что здесь совершается радикальный отказ мыслить человека в терминах природы. Что сделали греки? В чём их ошибка? Они поместили человека в природу, в пространство. А он туда не помещается, ибо он временной. Как понимают человека? Как животное, которому ещё нужно язык прибавить. И всё.

Что мы можем исследовать? Тело. Мы говорим о сознании, а до сих пор ковыряемся в нейронах.

Это тупик. Об этом мало кто говорит. Это тупик философии, науки и в целом всей западной цивилизации. В связи с этим возникает вопрос: может быть, мы займёмся не историей, а философией, которая будет называться русской?

Что не понимает философия во времени? То, что оно учреждено человеком. Кто не понимает? Хайдеггер. Кто ещё? Делёз, Фуко. Делёз говорит: «Вы хотите будущего? Забудьте про человека. Если не хотите будущего, занимайтесь им».

Фуко говорит: «И плакать о человеке не надо». Надо преодолеть его. Что можно преодолеть? Тело. Ницше завершил эту метафизику, но очень странно. В чём суть сущего? В воле к власти. И эта воля мыслится как нечто устроенное природой.

Занимаясь вопросом о сущем, западная философия отнесла к сущему всё то, что сущим не является, включая свободу, добро, зло, бога, чашку, корову. Всё это у них сущее. А у нас? А мы говорим: куда нам деть галлюцинацию? Эту болезнь природы.

Итак, моя мысль простая. Нельзя ставить вопрос «где?», если нет карты движения по времени. Это пространственный термин.

Времени в природе нет. Оно учреждено нами. Время есть свойство сознательной жизни человека, вот вся фишка и весь поворот философии, и ключ к тому, что проделывает сегодня антропология.

По поводу рефлексии. Нужно просто признать несовпадение человека с самим собой. Кто не совпадает с собой, для того нет места в мире. Нет места, а чувство реальности возникает. И затем сама реальность возникает для человека.

Живые существа живут в вечности. Многие люди нынче тоже хотят вечности. Они думают, что их можно заморозить, а потом задать их сознание на каком-то другом материале. Это плохая философия. Хотите вечности – избавьте себя от сознания.

Человек вообще не разумное существо. Как это теперь стало понятно.

Разум – это очень поздний и очень хрупкий цветочек, сломать его чрезвычайно просто. В XX веке разум стал врагом мышления. И это тоже нами ещё плохо понимается.

Теперь по поводу концептуальной части. Сегодня случился поворот к исследованию субъективности человека, сознания временного существа, а аппарата для исследования нет. Языка нет, говорить не на чем. Вот, с чем мы столкнулись. Сегодня время философствования.

В своё время Канта ведь обсмеяли за то, что он свёл всю философию к ответу на вопрос о человеке. Над ним посмеялись. Кто? Хайдеггер, Ницше, Фуко. Философия – наука о бытии. Вот формула Хайдеггера.

Что касается реакции на интеллект. Что сделала западная философия? Она всех запутала словами – разум, интеллект, сознание, душа, дух. Что нужно делать теперь?

Распутывать. Всем ведомо, что есть некий интеллект (ум) органический. Он упакован в инстинкт, который является для организма некоей колеёй. Во что встроен искусственный интеллект? Ни во что, в программиста. Что такое сознание? То, что не нужно организму никаким образом. Интеллект – продукт эволюции живого существа в пространстве. А человек? Почему он метался по материкам? Потому что это существо, обживающее время.

Это совершенно другая линия, не имеющая к интеллекту никакого отношения. Следовательно, что нужно делать? Попытаться сознание и интеллект различить, понять, где они пересекаются, в каком пункте и что из этого следует.

Здесь перед нами неизбежно возникнет проблема языка. Определённому пространством существу язык не нужен. Ему достаточно того, чтобы метить своё пространство. А человеку что нужно? Метить своё время. Вязать связи во времени. Выготский будет говорить о том, что у языка есть своя история, у сознания своя. Они где-то пересекаются. Возникает языковое сознание. Значит нужно понять, почему они пересекаются. Это, во-первых. И что они из себя представляют до пересечения. Это, во-вторых. У Выготского есть много заблуждений. Ранний Выготский говорит, что человек – это биологический недоносок, заболевший мыслью. Можно и так сказать. Так многие говорят и ошибаются. Почему ошибаются? Потому что у них возникает идея переделки человека. Его совершенствования. Отмечу, что это резюмирующая мысль западной философии. Её отношения к человеку.

Что делает сейчас Китай? Он идёт другим путем. Запад хочет преодолеть человека, забывая, что преодолеть можно то, что принадлежит миру, что можно воспроизвести по закону этого мира. А если человек не принадлежит миру, если у него нет места в мире, то его преодолеть нельзя. Поэтому идея Ницше, эта милая, замечательная идея, ошибочна. Она ввела в заблуждение миллионы и в целом помогла заблудиться западному человечеству. Но русская философия, будучи на периферии этого человечества, освободила нас от изъянов западного антиантропологизма. Китай хочет изменить сознание человека. Его отношение к себе во времени.

Трудно уходить от обаяния Ницше, от его идеи вечного возвращения одного и того же, но нужно. Иначе мы не поймём смысл идеи сингулярного человека.

Человек – не природа. Строить знание о человеке невозможно. Осознавать – не значит знать. Но в Китае хотят не преодолевать человека, а посредством цифры заставить человека быть предельно искренним.

Я плохо знаю, что делают в Китае. Мы воспитаны на другом. Я знаю хорошо, что делает Европа. Судя по тому, что я знаю, я понимаю, что там избирается другой путь отношения к человеку, у них другое отношение к социуму. Какое у них отношение к социуму? Создавать равные условия для всех. Но люди рождаются неравными. Это понимает Китай. Нельзя неравным давать равное. Надо равным давать равное. Что из этого следует? Из этого следует, что чувство справедливости выше всякого права. Социальное равенство убивает антропологическое неравенство. Спасибо за внимание.

Смирнов С. А.: Спасибо, Фёдор Иванович.

Ростова Н. Н.: Спасибо, Фёдор Иванович, очень интересно. У Вас ещё будет доклад или Вы уже всё сказали?

Гиренок Ф. И.: Нет, я буду говорить ещё

Ростова Н. Н.: Спасибо. Сергей Алевтинович, коротко ответите Фёдору Ивановичу?

Смирнов С. А.: Фёдор Иванович подтвердил мой тезис о главном вопросе, вопросе о месте. Но то, что этот вопрос про время – это ключевой момент. А движение в Пути – это ведь и есть движение во времени. Но мы тогда увлечёмся, я предлагаю накопить материал и дать другим выступить.

Ростова Н. Н.: Да. У нас есть люди, которые торопятся, Борис Львович Губман едет на пары. Может быть, дадим ему слово?

Губман Б. Л.: Спасибо большое. После двух таких ярких сообщений я бы хотел сфокусировать ваше внимание на том, что всё-таки мы должны искать какой-то язык, на котором мы будем говорить о человеке как реальности. Это свидетельство того, что я ранее предполагал, говорил, что это конфликт герменевтик, который напрашивается.

То, что я хочу сказать, в общем, созвучно двум выступавшим, поскольку, конечно, когда мы начинаем рассуждать о человеческой реальности, то мы должны прежде всего задуматься о глобальных посылах всего этого. Тогда действует то, что называется философским решением.

Мы будем принимать так или иначе какое-то философское решение относительно того, как мы на мир будем смотреть. При этом, конечно, в начале XXI века вынуждены понимать, что наш разговор весьма относителен, и наше философское решение – это наше философское решение, это способ рассуждения о том, как мы предполагаем видеть мир.

Конечно, есть классика, есть не классика, я не буду на этом центрировать, есть различные способы описания реальности человеческой. Но можно задуматься над тем, есть ли какая-то минимальная посылка, чтобы за неё всё-таки зацепить многообразие дел и герменевтических практик.

Наверное, то, что говорилось, в частности Федор Иванович говорил, о том, что есть реальность того, что есть текущий момент времени, который присутствует в каждом, это может быть минимальным антологическим допущением существования во времени, но всё же не вечность человеческой реальности, за которую всё же можно было бы зацепить множество дискурсов о том, что такое человек.

Конечно, вопрос об их сосуществовании остаётся открытым, потому что нет никакого универсального рецепта того, как эти дискурсы о человеке и человеческом склеить, и поэтому мы всегда будем находиться в пространстве столкновения различных герменевтических стратегий.

Даже когда обсуждаются какие-то характеристики, которые принято называть экзистенциальными, они тоже просвечивают сквозь эти многообразные дискурсивные практики. Мне бы хотелось на этом акцентировать внимание в дискуссии относительно того, что первичная реальность – это реальность пребывания меня здесь, это первое антологическое допущение, которое может быть в антропологии, а дальше начинается действительно конфликт описаний, конфликт герменевтик.

Здесь уже вопрос ситуативности того, как мы эти практики будем вместе склеивать, вместе их примерять. Даже рассуждение в свете научных объекти-

ваций человека, от этого тоже уйти нельзя, должно, если это возможно, встраиваться в эти многообразные герменевтические практики философского плана. Я не буду пояснять, сколько их, какие они. Такая позиция, спасибо.

Смирнов С. А.: Спасибо большое. Касательно герменевтики и тезиса Фёдора Ивановича о том, что с языком у нас проблемы, я пытался об этом говорить. Фёдор Иванович, смотрите, что получается.

Если человек существо временное, но никогда он времени не остановит, никогда он не обретёт утраченное время, потому что ему, в пику западной традиции, там всегда пытались породить новые тексты и доктрины, чтобы остановить время, зафиксировать его следы, которые всегда уходили, ему приходится преодолевать диктатуру текста в принципе и всякого дискурса.

В пользу чего? Живого разговора, невербальных контактов, в пользу немых. Мы немые, это не значит, что мы должны сейчас начинать молчать, но совсем иной способ говорения искать, опять же, не отказываясь от порождения текстов, хотя мы всё равно их порождаем, вопрос опять в поиске западных привычных герменевтических традиций, мы плодим новые тексты, их интерпретируем, новые снова порождаем, снова интерпретируем, это опять тупик.

То есть нужен поиск живого разговора, о чём пытался говорить Бахтин, но про человека, который всегда тоже проблематичен. Я постоянно себя теряю, пытаюсь снова говорить о себе, снова теряю, а это больничка, психушка.

Гиренок Ф. И.: Я хотел бы заметить следующее. Не совпадать с собой – значит галлюцинировать. Простыми словами это можно передать так: мозг рисует, организм воспринимает в цвете. Это очень важная вещь, фактически этим восприятием учреждается существование. Чего? Объектов галлюцинации. Мы становимся причиной существования объектов. Причиной реальности. Если это так, то тогда нужно признаться, что существует не один сенсориум у человека, а два.

Чему научила нас западная философия? Тому, что у животного и у человека один сенсориум. Это не так. Да, мы видим в цвете, как и животное. Но это не субъективность, это объективное свойство живого организма, то есть оно никак не связано с сознанием. Что относится ко второму сенсориуму? Чувство самого себя, чувство реальности, чувство времени.

Этот сенсориум и есть та база, которая позволяет понять язык. Что значит говорить? Говорить – значит всегда соединять две вещи. Какие? Реальность (язык) и воображаемое или язык и объекты галлюцинаций. Не об этом ли говорит Кант в своей теории желаний? Когда он говорит, что мы даём существование объектам своих галлюцинаций. С чего начинается человек, откуда идёт история? Со взрыва галлюцинаций, с наскальной живописи. Живопись – это не живопись в смысле того, что кто-то изобразил своё настроение. Это фактически учреждение себя в качестве человека.

В этом смысле нужно по-новому интерпретировать платоновскую пещеру, я имею в виду ту пещеру, из которой вылез тот, кто заботился о человеке. Вылез на свет, а его убили, потому что он свет увидел.

Как сказал Сергей Алевтинович, язык требует, чтобы нас отнесли куда-нибудь. К субъекту или к объекту. Чистое галлюцинирование есть речь без слов. А бред – слова без воображения.

Между бредом и галлюцинированием проходит вся жизнь человека. Крайнее разделение людей – это разделение на тех, кто только бредит, и на тех, кто только галлюцинирует. Соединить их вместе – значит учредить реальность.

Поэтому, слушая Губмана о мини-посылках, я думал о том, что природа завершается в галлюцинации.

Смирнов С. А.: Коллеги, я предлагаю по принципу правой руки. Кто готов выступить? Алексей Николаевич?

Фатенков А. Н.: Да, я пару слов готов сказать.

Смирнов С. А.: Пожалуйста, Алексей Николаевич.

Фатенков А. Н.: Я хотел бы отреагировать на вчерашнее событие для начала, на фигуру Александра Александровича Зиновьева.

По моим представлениям, это одинокий волк, на таких людях философия и держится. Талантливый человек, многогранный, сегодня его хотят пристегнуть к какой-то квази-идеологии зачастую, выглядит это, на мой взгляд, трагикомично. Я думаю, что и Александру Александровичу Зиновьеву вряд ли бы это понравилось.

Блестящий доклад академика Гусейнова спас эту ситуацию. Он начался с того, что главный тезис в идеях Зиновьева – это радикальнейший индивидуализм, когда человек утверждает самого себя, этой идеей никак пренебрегать нельзя. Это мой ответ на вчерашние события.

Теперь в двух словах по поводу аппарата, которым пользуется философская антропология, надо ли что-то здесь кардинально менять. Я не думаю, что кардинальные изменения здесь нужны, у меня здесь консервативная позиция. Я думаю, что надо лишь понять до конца, что те понятия, которыми мы пользуемся – природа, сущность, существование – это всё оставить, но это метафоры того или иного порядка, а не строжайшего вида логические образования, которыми пользуется какая-то наука.

Надо добавлять новые метафоры, но делать это осторожно. Слов, терминов предостаточно, может быть, даже избыточно много, и здесь надо со вкусом, тонко эти нужные слова подбирать.

По поводу преодоления, по поводу того, человек преодолевает себя или преодолевает то, что ему мешает быть собой, я отвечаю так. Человек преодолевает то, что мешает ему быть самым собой, здесь идея преодоления, на мой взгляд, сильна, по крайней мере полезна.

Что касается того, временной или пространственный человек, пространством пренебрегать никак нельзя. На мой взгляд, идея временности – это как раз идея европейской традиции, она там укоренена, близка. Но те мыслители, которых как-то воспринимают в России, они все пространственники – и Ницше, и Гегель, да и Хайдеггер, хотя там в названии нескольких текстов время есть, но тот же Хайдеггер говорил: «Мы не можем редуцировать пространство ни к чему иному», то есть пространство – это некий предел.

Если мы всерьез говорим о человеке как о существе телесном, а не только интеллектуальном, духовном, душевном, то пространственностью пренебрегать ни в коем случае нельзя.

Ещё один момент. Говорение как связанность чего-то с чем-то, если мы так понимаем эту процедуру, это состояние наше, то мы невольно принимаем этот дуализм Декарта и Канта, заключающийся в том, что есть независимый

от чувств и воли интеллект и есть чувственность и воля, которые не очень связаны с этим интеллектом, но ведь, на мой взгляд, это не так.

Если исходить из иной интуиции, то никакого разделения в сознании, в психике человека нет, более того, психика органично связана с телесностью человека, человек – существо психосоматическое. Скорее, речь идёт не о связанности, а о выражении того, что в человеке есть, есть в нём как в не расколоте, в этом вся проблема. Если расколотесть есть, то выразить это несложно, а если нет, здесь и возникают проблемы. Вот какая-то предварительная реакция на то, что я услышал, но всё было очень интересно.

Гиренок Ф. И.: Алексей Николаевич, я хочу сказать, что психическое всё-таки, наверное, не имеет ничего общего с сознанием. Об этом даже говорит Фрейд во второй или третьей лекции по психоанализу.

И ещё. Время не качество вещей и не какая-то субстанция. Время – свойство сознательной жизни человека. Этого, видимо, даже Августин не знал.

Спирова Э. М.: Можно мне тогда тоже включиться в эту дискуссию, немного продолжить? Потому что масса интересных посылок, заброшенных коллегами, появилось, это раскачивает мысль.

Во-первых, не могу согласиться с Фёдором Ивановичем относительно Фрейда, всё-таки, кое-какое отношение сознание к психике имеет, пусть плёночкой, но имеет некоторым откликом.

Я вернусь к той посылке, которую изначально задал Сергей Алевтинович в разговоре, говоря о том сакраментальном вопросе, что такое человек. Здесь есть некоторые маргиналии, которые пришли мне в голову относительно того, где я, первый вопрос, который задаёт человек, возвращающийся в сознание.

Суждение, что это первый вопрос, большое сомнение вызывает, потому что надо сначала осознать себя, чтобы задать вопрос, где я, потому что, если человек не осознаёт себя, он задаёт вопрос «кто я?», потому что ещё непонятно, я ли это, что есть я, придя в сознание. Если я понимаю, что я есть я, то тогда возникает вопрос «где я?», потому что это уже вопрос номер два.

Но это попытка подумать насчёт того, удачен ли вопрос «что такое человек?», думаю, не очень удачный. Если мы не получаем на него некоего удовлетворительного ответа, то это, по-моему, совсем не значит, что его не надо искать. Можно отказаться от того, чтобы задаваться вообще таким вопросом, но продуктивно ли это? Это тоже нужно. Всё-таки, на мой взгляд, смысл жизни в поиске этого смысла, а не в ответе.

Так же и в этом случае, если мы говорим о человеке. Конечно, окончательный ответ, как на все метафизические вопросы, мы дать не можем, но это не значит, что не стоит его искать.

Теперь о порождении доктрин, каких-то теорий, концепций. Казалось бы, мы хотели от этого уйти, от жестких ответов, от конкретных направлений мысли, от каких-то западных традиций, но не порождаем ли мы сами эти доктрины, теории, концепции, у которых тоже нет гибкости, а мы тоже определённым образом задаём вектор, и этот вектор определён, конкретен, возможно ли вообще, можно ли расшатать эти концепции?

Каждый из нас, здесь присутствующих и говорящих, имеет яркие и интересные концепции, очень любопытные внутри их самих, всё-таки это тоже определённые направления, которые тоже в некоторой степени жёсткие,

доктринальные. У каждого определённый язык, на котором мы говорим, тоже выработанный некоей концепцией или доктриной.

Здесь мне кажется тоже интересным следующий момент. Мы сами говорим о том, что антропология современная действительно отказалась от тех классических понятий, которые всем казались заблуждением, были неточными и так далее, но дальше мы наблюдаем ещё такую тенденцию – антропология сегодня поглощается, смещается, вытесняется другими областями и философским научным знанием.

Если понаблюдать внимательно, то сегодня антропология – достаточно мало представленная область, потому что все в антропологических вопросах пытаются разбираться, но со своей колокольни, со своих взглядов, со своих традиций, причём, не разговаривая с человеком в целом, как когда-то медицина разделила человека, начала лечить отдельно глаз, ухо и пятку, в конце концов, поняв на сегодняшний момент, что человек в этой ситуации как целостный организм, не лечится.

Возникает вопрос, как его тогда лечить, есть некоторые сложности, возникающие так или иначе. Сегодня мы тоже пытаемся подойти к человеку с точки зрения уха, пятки, ещё чего-то, есть масса всяких антропологий, подходов, разных взглядов, есть какие-то когнитивные науки, которые тоже отвечают на какие-то антропологические, как им кажется, вопросы, онтологии, вопросы творчества, все они в определённой мере антропологии уже не видят, у нас область знания самостоятельная и самодостаточная.

Ещё относительно языка, на котором мы говорим. Да, на мой взгляд, действительно проблема языка в философской антропологии сегодня действительно есть. Если прислушаться к тому, каким языком мы с вами сейчас пытаемся этот антропологический дискурс выстроить.

Сергей Алевтинович предложил язык: навигация, место, горизонт, ориентиры, карты и так далее. Вот он ваш естественно-научный, практически географический язык, на котором выстроена антропология. Есть другие, технические языки, мы уже так привыкли говорить про антропологический проект, вообще вся терминология проективности, всё, притягиваемое к этому, технологии и так далее, это тоже определённый язык, но он чужеродный, на мой взгляд, он всё-таки не антропологический, чужеродный.

Мы можем говорить языком клиники, практики, говоря об аутизме, санаторности и так далее. Язык ли это антропологии? Не знаю. То, что это интересно, продуктивно, что в этом есть определённое зерно и какие-то очень любопытные выводы, безусловно, но вопрос языка, на мой взгляд, действительно вопрос, если мы отказываемся от тех классических категорий, которые нам, может быть, кажутся сегодня сомнительными. Это то, что хотелось сейчас сказать, спасибо.

Смирнов С. А.: Спасибо, Эльвира Маратовна. Фёдор Иванович, можно я два слова, потом Вы?

Гиренок Ф. И.: Конечно.

Смирнов С. А.: Эльвира Маратовна, что получается всё-таки? Кстати, о языке. Да, есть проблема языка, нам всё равно нужны какие-то опоры, толкающие на вариант поиска языка, а такой опорой выступает базовый вопрос. Поэтому всё-таки «где я?» – это вопрос не того, который себя осознает,

а того, который начинает только поиск, он ещё не в себе, он просыпается и ещё не понимает ничего про себя, но ему надо понять местонахождение не только в пространстве, но и во времени.

Или про географию. Например, вопрос, куда я приехал, это тоже не только география, но и время. До какой жизни я докатился, куда я попал? Не в том смысле, что в какое пространство, а в том, что в каком времени я нахожусь. То есть «где я» – это запуск начала поиска, он тот, который мне может помочь начинать как-то отстраивать, искать, отсюда вариант поиска слов нового словаря.

Это не только про географию, это про мою карту пути. Я согласен, что здесь коннотация географическая, она родилась в естественно-научной традиции, но это то, что понятно и можно использовать для опоры, в отличие от доктринального, субстанционального языка, который опорой нельзя никак взять.

В этом смысле, мне кажется, надо искать эти действительно базовые вопросы, которые толкают и помогают выстраивать новый словарь про антропологию.

Ростова Н. Н.: У меня тоже есть одна реплика по поводу поиска языка и тезиса о том, что сегодня наступило время философствования.

Я хотела бы обратить внимание на интересный момент. С одной стороны, сейчас идёт конгресс, непосредственными участниками которого мы являемся. С другой стороны, буквально на днях прошёл философский собор. Что здесь было интересно? То, что к Всероссийскому конгрессу вдруг в связи с известными событиями предъявили какие-то вопросы, общество ожидает неких ответов. Зачем собрался конгресс? Кто-то начинает говорить: «Нет, мы вне политики». Но дело не в политике, а в том, что возникает фундаментальный вопрос о разрыве между философами и философией. Где философы и где философия? Как они сегодня смыкаются? С другой стороны, прошёл собор, к которому не было предъявлено никаких ожиданий именно в силу того, что его не заметили, о нём знают разве что его организаторы и те, кто на нём присутствовал.

Я хочу обратить внимание на то, как формулируется повестка дня сегодняшнего мероприятия. Конгресс называется «Философия в полицентричном мире», и одновременно он посвящен Зиновьеву. Иными словами, происходит странная вещь. Дело не в Зиновьеве, на мой взгляд, не в достоинстве его философии, но в том, что делается попытка выставить кого-то на щит, сомкнуть философов и философию, дать язык русской философии. Но тут же мы говорим, что наша философия – в полицентричном мире, тем самым мы аннулируем свои стремления.

К философскому собору можно предъявлять множество вопросов – как он прошёл, кто там присутствовал, что говорил, – но сама цель была ясно обозначена: что мы, русские философы, можем сегодня сказать? И речь ведь идёт не о политической ситуации как таковой, потому что, на мой взгляд, центральный вопрос о том, что происходит сегодня, исконно антропологический, влекущий вторым шагом за собой этику, политику и прочее. Спасибо.

Смирнов С. А.: Спасибо, Наталья Николаевна!

Ростова Н. Н.: Вячеслав Николаевич хотел мне возразить.

Данилов В. Н.: Наталья Николаевна, во-первых, о том, что философский собор никто не заметил. Это неправда, я заметил в силу профессиональных обязанностей своих, в том числе собственного интереса.

Во-вторых, это всё было в мониторингах, пошло в соответствующие отчеты в учреждения. В-третьих, как ни странно, часть либеральной общественности смотрела этот сбор, тоже стенографировала. Вы не поверите, большинство цитат было из Фёдора Ивановича Гиренка, практически я видел даже чуть ли не дословное воспроизведение некоторых цитат, которые атрибутировать ни к Дугину, ни к Секацкому невозможно, это был именно Федор Иванович. То есть Вы, Фёдор Иванович, стали голосом этого собора, как ни удивительно.

Гиренок Ф. И.: Я понятия не имею, меня пригласили, я пришёл, сказал то, что мог, и ушёл. Интересно.

Данилов В. Н.: Теперь это выглядит так, теперь Вы стали голосом собора, даже не Дугин.

Смирнов С. А.: Вот, что значит медийная огласка, там наши галлюцинации и гуляют.

Гиренок Ф. И.: Хотя бы мне сказали, что я голос собора, буду знать. Мне хочется с Эльвирой поговорить, потому что мне показалось, что она отнесла галлюцинацию то ли к медицине, то ли к психиатрии.

Спирова Э. М.: К психологии.

Гиренок Ф. И.: В России психология понимается как наука. На Западе к ней настороженное отношение. Фуко её называет формой культуры. Гуссерль её не принимал как науку.

В России в силу того, что у нас нет философии, её роль иногда выполняет психология. Когда я говорю о галлюцинации, то я имею в виду то, что получает существование в точке своего восприятия. Но и бытие тоже возникает в точке своего восприятия. Что это значит? Что это одно и то же.

У Хайдеггера это будет звучать так: «Бытие – то, чего нет, но что нам дано». В терминах Парменида это будет выглядеть так: «Бытие тождественно мысли о бытии».

Поэтому, когда я говорю о галлюцинации, это не имеет никакого отношения к языку современных психологических практик.

Спирова Э. М.: Всё-таки начнём с того, что слово французское, оно оттуда. Я про слово, не про то, что вы вкладываете, я про язык, которым мы это пытаемся выразить.

Гиренок Ф. И.: Я согласен. Тогда я скажу так, слово – это коробочка, в которой сидит тот жучок, который я знаю, как он выглядит у меня, и не знаю, как он выглядит у другого.

Спирова Э. М.: Почему выбрана эта коробочка?

Гиренок Ф. И.: Я её выбрал, потому что мне показалось, что для моего жука лучшей коробочки не найдётся.

Спирова Э. М.: Вы пробовали другие коробочки?

Гиренок Ф. И.: Нет, не пробовал. Есть одна коробочка, она называется воображение. Но она привязана к человеку. А галлюцинация – это природа. Вернее, внутренний разрыв в природе, то, в чём она перестаёт быть собой.

Взрыв галлюцинаций становится сегодня в философии ключевым понятием.

Я хочу сказать, что есть ещё слово галлюценоз. В русской естественно-научной традиции придумали слово «биоценоз». Мы придумали в философии слово «галлюценоз», которое не нужно путать со словом «галлюциноз».

Если бы я говорил сейчас с Сергеем Алевтиновичем, я бы попросил его составить карту нашей жизни в галлюцинозе.

Смирнов С. А.: Интересная задача.

Гиренок Ф. И.: Я бы хотел, чтобы в журналах публиковались результаты исследований галлюциноза, внутри которого мы живём и думаем о том, как мы живём. Может быть, мы бы тогда узнали, почему непреодолимо разделение людей на «мы» и «они».

Спирова Э. М.: Это непреодолимо.

Гиренок Ф. И.: Я сейчас понимаю, что это невозможно преодолеть. Всё дело в слепоте каких-то наших движений. Что такое космополиты, граждане мира и что такое патриоты? Сближая их, мы получаем неконтролируемую энергию. Взрыв. Ярость распри. Ради чего?

Что такое я? Я помогает нам жить во времени. Оно нетленно. Оно не сгниет. Всё состарится. Оно всегда останется юным. За что нам можно зацепиться во времени? Не за что. За него можно ухватиться. Оно не подведет. В нём мы пытаемся преодолеть несовпадение с самим собой.

На мой взгляд, все социальные науки давно потерпели крах, не имеют никакого смысла. Почему? Потому что они не принимают в расчёт нашу жизнь в галлюцинозе. Забывают, что отношения между людьми опосредованы их галлюцинациями.

Галлюцинаторные связи – не какие-то производственные отношения. Объекты галлюцинаций имеют между собой не социальную связь, а связь объектов большого сновидения.

Разделяемые нами иллюзии становятся социально необходимыми галлюцинациями, социально необходимыми предрассудками. Но мы не знаем, что это предрассудки. Но если даже мы узнаем, что это предрассудки, они никуда от этого не денутся. Останутся с нами. Почему? Ничего не понятно, настало время философствовать.

Смирнов С. А.: Спасибо. У нас есть ещё коллеги, которые не участвовали, не высказывались. Дарья Павловна не высказывалась.

Козолупенко Д. П.: Я в сложной ситуации, потому что Фёдор Иванович половину моих тезисов благополучно озвучил, поэтому я продолжу, если позволите.

Спирова Э. М.: Я думала, возразите.

Козолупенко Д. П.: Нет, очень многие тезисы неожиданно совпали, хотя я как раз думала, что будут где-то возражения, но, начиная с самого первого доклада, я так себе записала вопросы, Фёдор Иванович вышел и эти возражения задал.

Но я начну не с первого доклада и вопросов, а как раз с вопроса, который меня в выступлении Эльвиры Маратовны задел, какой вопрос первый, «кто я?» или «где я?». Мне кажется, даже если мы на клиническую практику перейдём, всё-таки сначала человек задаёт вопрос «где я?», и только потом в некоторых случаях возникает вопрос «кто я?».

В случаях не узнавания, когда мои ожидания противоречат тому, что я ожидаю, когда у меня возникает чувство противоречия с тем, где я. Поэтому получается, что тогда, если у меня нет некоего воспоминания, соответствия ожидаемого, возможного ожидания соответствия, тогда я задаюсь вопросом «кто я?».

То есть «кто» – это некая центрация, некий выход на конкретику, идентификацию, она возникает вторым шагом, но может и не возникать, если на вопрос «где я?», возникает быстрый и удовлетворительный ответ.

Но тут тоже возникает проблема, потому что, если мы исходим из этого «где», то, почему я говорю, что с Фёдором Ивановичем соглашусь, то «где» – это местоположение, опять же объектно-пространственная парадигма, она опять нас приводит к вопросу о том, где может располагаться некоторый ответ.

Сергей Алевтинович очень хитро вывернулся из этой объектности, потому что начал говорить о понятиях, которые не имеют содержания. Это всё замечательно, мне тоже очень нравится, тоже критикой Канта, я полностью согласна, которую Сергей Алевтинович проводил.

Но дело в том, что понятия-указатели сами по себе не имеют содержания, но приводят нас к чему-то, что мы можем определить как объект. Сами по себе они пустые, бессодержательные, мы можем по ним двигаться, но Москва, к которой вы едете, это объект, и получается, что она опять же предшествует, и вообще пространство, по которому вы передвигаетесь, предшествует существованию этих указателей.

Смирнов С. А.: Это не объект, это очередное место.

Козолупенко Д. П.: Хорошо, место, но опять же расположенное в пространстве, определённое место. Мы же не можем говорить об абсолютной бессодержательности, об отсутствии каких-то характеристик уже потому, что вы его поименовали как Москву, вы едете к нему, у вас есть некие ожидания по отношению к этому моменту.

Смирнов С. А.: Но если в Москве я был, например, когда мне было 25 лет, то это не про пространство, это про место, которое для меня существует в двух измерениях, и во времени тоже – когда это было?

Козолупенко Д. П.: Это уже другой момент, потому что тогда мы опять приходим к воспоминанию. Когда Вы говорите: «В Москве я был, когда мне было 25 лет», это тоже вопрос совпадения вспоминаемого, ожидаемого и того, к чему я сейчас приеду или нет. В любом случае мы получаем переход от пространства к временной структуре.

«Где я» в переходе к системе указателей, если вы говорите, что вы едете не к месту, а по этим своим указателям в соответствии с воспоминаниями, то мы переходим к временной структуре, к тому, что у нас любому восприятию предшествует некая воображаемая структура, связанная с воспоминанием.

Я принципиально скажу, не с памятью, а с воспоминанием, потому что это предполагает, что память нас привязывает к объекту, к некоторым внешним признакам. Воспоминание – это скорее реакция наша на некую ситуацию и на нас в этой ситуации, в первую очередь воспоминания отсылают нас к себе.

Здесь мы можем перейти к временной структуре, к человеку, как к учреждению времени, и можем уйти от этой объектной пространственной парадигмы. На мой взгляд, это очень важно сделать, потому что действительно, если мы посмотрим на сегодняшнюю философию, особенно на западную, на всю философию отечественную, которая так или иначе связана с какими-то научными, около научными изысканиями в сфере человека, то она как раз будет полностью объектная, пространственная.

Если мы будем говорить о телесности, сегодня говорилось очень много об искусственном интеллекте, связи человека с мозгом, то это всё поиск

объекта, которого мы можем назвать человеком. На мой взгляд, от этого условно нужно уходить.

Понятно, почему так происходит, потому что эта тело-ориентированность, даже если мы говорим про нейробиологические исследования, то, на мой взгляд, это тоже тело-ориентированность, это попытка найти в теле человека что-то, что отвечало бы за не телесные его качества. Но тем не менее это вариант тело-ориентированности.

Получается, что так или иначе человека тем самым сводят к присутствию, способу присутствия, к метафизике присутствия, способу бытия объекта. На мой взгляд, это категорически неверно, как раз от этого мы должны уходить.

Почему я говорю, что понятно, почему это происходит? Я в своё время это увидела очень чётко на критике, которую проводит Плеснер по отношению к Хайдеггеру. Буквально в примечании ко второй редакции своей систематики антропологии Плеснер напишет, что нет пути от Хайдеггера к философской антропологии. Совершенно не по тем основаниям, о которых сегодня Фёдор Иванович говорил, о которых он вообще говорит, критикуя Хайдеггера. «Потому, – говорит Плеснер, – что у Хайдеггера человек бесполой и бестелесный. Потому что, если мы не говорим о теле, то мы не можем говорить о живом человеке».

Это упрёк, что все экзистенциальные состояния, а там говорится конкретно о страхе, фундаментальном экзистенциальном состоянии, с точки зрения Хайдеггера, все экзистенциальные состояния, упрекает Плеснер Хайдеггера, они присущи человеку потому, что существует телесное. Ангелы страха не имеют – вот основная критика Плеснера.

Дальше современная философия за Плеснером подхватывает этот тезис, что мы же телесные, мы же объектные, и упирается в то, что мы полностью теряем специфику человека, начинаем рассматривать его как объект среди других объектов. В итоге мы приходим к тому, что антропология, как Ливер Майкл, на мой взгляд, очень четко сказал, исчезает, она захватывается такими областями, растворяется, смещается именно потому, что мы приходим за Плеснером к этой телесности.

С другой стороны, тоже сегодня упоминали Парменида, в этой же традиции очень характерная тенденция, когда цитируют его знаменитое выражение: «Мыслить и быть – не одно ли и то же?». В этом же положении все буквально до XX века центрируются на «быть», начинают всячески исследовать эту связку, задаются вопросом «что» о бытии.

Парменид спрашивает о том, что значит мыслить. У него очень интересная трактовка, мне гораздо больше нравится второе положение, у него там есть ещё рассуждение о мнимостях, я сейчас не буду это затрагивать, потому что времени у нас не так много, но буквально второе положение рассказывает, что значит мыслить и когда мы мыслим. Здесь я вижу некую перспективу для нового рассмотрения человека, потому что Парменид говорит: «Мыслить можно лишь о том, что не рядом, но что на уме неотступно», он принципиально говорит о том, что мы мыслим тогда, когда мы говорим не о присутствующем, не об объектном, не о том, что непосредственно нам дано, как то, что здесь и сейчас находится, но то, что остаётся для нас некоей необходимостью, некоей неизбежностью для нашего мышления.

В этом мы и находимся перед лицом этого не данного, неизбежного в пространстве мышления. И именно тогда, когда мы мыслим таким образом, мы яв-

ляемся людьми. Но я думаю, что в свете этого разговора о каком-то техническом отношении к человеку, об искусственном интеллекте, он уже становится бессмысленным, потому что техническое отношение к человеку, который является существом, способным мыслить о том, что не объектно, оно представляет собой некий оксюморон.

Искусственный интеллект в свете этого – это тоже то, что не имеет никакого отношения к человеку, потому что именно искусственный интеллект лишён этой способности, он имеет способность обращаться с тем, что исчислимо, с тем, что представимо, как данность, но лишён той самой способности воображения, основанного на способности воспоминания, как отнесения к себе.

Здесь я бы хотела сказать, что во всех ситуациях, когда мы говорим о мышлении неизбежно данного, с одной стороны, и не данного, с другой стороны, как не присутствующего здесь и сейчас, не присутствующего объектно, мы, с одной стороны, затрагиваем тему воображения, с другой стороны, мы должны понимать, что воображать – это значит иметь дело с отсутствующим присутствием, в то же время с присутствием отсутствующего.

Мы исходим не из того, что есть здесь и сейчас, не из того, что мы можем рассматривать как конкретное что-то, а из того, что не предполагается тем, что нам дано, как непосредственно присутствующее. При этом очень важно, что мы не просто исходим из того, чего нет, а что мы при этом прекрасно знаем, что на самом деле присутствие совсем иное.

Важно не просто неумение видеть то, что есть, и умение видеть то, что есть, видеть данное, которого нет, если говорить по формуле бытия Хайдеггера, которую Фёдор Иванович назвал формулой галлюцинаций, но важно, что обязательно присутствует это различие.

Мы не просто исходим из данного, но не присутствующего, но мы удерживаем это различие между реальным и иллюзорными, между присутствующим и отсутствующим, мы постоянно удерживаем этот разрыв.

В этом отношении для нас столь же непреложен факт присутствия того, что мы делаем незначительным, не замечаем, как и важен факт придания статуса необходимого тому, что мы не имеем перед своим непосредственным восприятием.

Тем самым мы приходим к какой-то фундаментальной характеристике восприятия, которая, на мой взгляд, связана с тем, что, во-первых, восприятие основывается тем самым на воображении, на способности различия и удержания различия того, что есть, и того, что тем не менее я вижу, несмотря на то, что должна была бы видеть другое.

С другой стороны, воображение тем самым получается способностью создавать образы, превосходящие реальность, выходящие за рамки этой реальности. Тем самым восприятие уже оказывается чем-то вторичным по отношению к воображению, здесь мне очень нравится формула Мерло-Понти из его феноменологии восприятия, когда он скажет: «Воспринимать – значит верить в мир».

Очень недооцененная, на мой взгляд, формула, когда он говорит о том, что, воспринимая, мы не исходим из каких-то данных органов наших чувств, органы наших чувств не позволяют нам различать иллюзию и реальность, не позволяет нам отличить бред от иллюзий.

Позволяет нам это сделать нечто иное, что добавляется к нашему представлению о восприятии, воображению и так далее, именно способность, что Фёдор Иванович называет учреждением реальности, то есть способность добавить ко всем этим образам некое онтологическое основание, учредить нечто как реальное, и нечто как нереальное, но тем не менее составляющее основу моего восприятия.

Тогда получается, что мы изначально в нашем восприятии исходим из того, что не дано в плане присутствующего, но дано в плане некой не отменяемой основы нашего восприятия, нашего воображения и нашей мысли, это чувство реальности. Тут можно добавить, что оно должно сопровождаться как представление о возможности иллюзии, но это уже, мне кажется, отдельная тема. Если интересно, я могу пояснить, но боюсь время сильно превысить, поэтому лучше оставлю его на вопросы. Спасибо.

Смирнов С. А.: Спасибо, Дарья Павловна.

Спирова Э. М.: Пожалуй, я сделаю пару маргиналий относительно того вопроса, «кто я?». Я тут имела в виду, что этот вопрос, конечно, как справедливо Дарья Павловна говорит, не возникает и может не возникнуть в этой ситуации в том случае, если пришло некое неосознанное самоощущение, хотя бы внутреннее ощущение телесного я. Тогда где это телесное я во времени, в пространстве?

Относительно искусственного интеллекта, это тоже маргинальная заметка. Мне казалось, что здесь понятия интеллекта естественного и искусственного вполне допустимы, если мы разведём понятие интеллекта и мышления, потому что всё-таки это разные вещи.

Ведь мы же не говорим об искусственном мышлении, по крайней мере, пока, а говорим об искусственном интеллекте. Здесь, может быть, это допустимая пара, которая позволяет нам размышлять о том, что это всё-таки не мышление.

Козолупенко Д. П.: Я не говорю в данном случае, что искусственный интеллект – это что-то недопустимое само по себе. Я просто хочу сказать, что это не имеет никакого отношения к человеку и к нашему пониманию человека. Потому что исследование интеллекта как такового ничего нам не скажет о том, что из себя представляет человек. Искусственный ли это человек, естественный, в данном случае мне кажется, это не существенно.

Спирова Э. М.: Да, я готова согласиться с этим.

Смирнов С. А.: Спасибо. Реакции, реплики? Дарья Павловна, как Вам кажется, Вы несколько раз обращались к понятию присутствия, это тоже не только про географию, это про событийность, то есть про присутствие, поскольку, по Хайдеггеру, бытие имеет не только место, но бытие свершается как событие.

С моей точки зрения, событийная парадигма снимает конфликт между пространством и временем, а это про то, что свершается, а это всегда свершается во времени, как событие, это не только про географическое положение.

Козолупенко Д. П.: Согласна с Вами.

Смирнов С. А.: Дай Бог, чтобы свершилось, вся наша жизнь – шанс на событийность. Сегодняшняя встреча может быть событием, а может не быть событием.

Козолупенко Д. П.: У меня одна из любимых тем – тема присутствия, потому что мне очень многое в Хайдеггере нравится, в отличие от Фёдора Ивановича. В частности, его отношение к присутствию.

Но тут, когда я терминологию выбирала, очень легко оступиться, потому что у Хайдеггера очень четко разводится присутствие, наличное и фактическое. Как только мы начинаем их отождествлять, мы тут же начинаем говорить не о том. Если мы начинаем говорить о наличном, мы тут же говорим не о человеке, тут же мы исключаем время, переходим на чистую географию, на расположение, которое лишено расположенности, настроенности и так далее.

Поэтому тут опять же вопрос языка, потому что, когда я говорю о присутствующем и отсутствующем, я имею в виду скорее разговор о наличном. Когда мы ведём речь о человеке, мы должны говорить о присутствии, которое событийно именно потому, что оно включает в себя отсутствие, именно потому, что человек – это существо, которое разнесено.

Опять же у Хайдеггера в семинарах очень замечательно это показано, когда он говорит о столе, который либо здесь, либо за стеной, и о человеке, который одновременно всегда и здесь, и там за стеной, потому что там стол, о котором мы разговариваем, и где-то ещё на конгрессе, и так далее. То есть человек как разнесенное в пространстве существо.

Это тоже одна из характеристик присутствия, связанность с изначальной временностью, то есть это пересмотр понятия пространства, связанного с этой временностью.

Поэтому событийность тут очень важна, встречность очень важна, и она происходит только во времени, и она происходит с другими только потому, что я в этом времени отношусь к себе, тут тоже такой момент некоторого нашего резонанса во времени.

Смирнов С. А.: Спасибо.

Ростова Н. Н.: Давайте дадим слово следующим выступающим, Надежде Зеноновне.

Смирнов С. А.: Да, Надежда Зеноновна Гаевская у нас давно присутствует. Вам слово.

Гаевская Н. З.: Я покажу буквально два кадра, потому что это хорошо, что мы сократились до таких коротких выступлений, потому что это формат более творческий.

Когда я готовила доклад, я хотела сказать о том, что за последние два года произошло столько событий, время настолько стремительно летит, что те материалы, которые были представлены два года назад, они во многом сегодня могут казаться наивными, даже устарели отчасти.

Два года мировой пандемии привели к пониманию гибельности границ, ограничений и локализаций, если мы будем говорить о пространстве культурных мемов, имея в виду вирусный характер этого пространства. Это меняет подходы к определению и рассуждению о топике и культурных топологических схемах.

Это важно для религиозной топике, потому что в связи с этим меняются когнитивные механизмы восприятия и переживания религиозного. Вы вспомните, нет ничего более неприятного и абсурдного, механистичного, болезненного за последнее время, чем наблюдение литургии в пустой церкви.

Была такая попытка в 2020 году, когда проводились службы, которые транслировались, там никого не было, было всего два священника. Когда культ ограничен стенами церковного зала, нет никакой энергии личностного

преобразования, человека нет, нет лица, нет ни видящих, ни переживающих, ни претерпевающих культ. Это было очень болезненное впечатление.

В связи с этим хочется поговорить о тех новых материалах, которые появились за эти два года в исследованиях культурной топики, они так или иначе все касаются феномена пустых форм. Мои рассуждения могут быть в некотором смысле наивными весьма, но я надеюсь, что это кого-то заинтересует, возможно, понудит к философскому осмыслению.

Итак, феномен пустых форм, попытки рассмотрения этого феномена и в антропологическом, и в богословском, и в когнитивном дискурсе. Коротко обозначу.

В 2019 и 2020 году ведущий антрополог России профессор Игорь Морозов, вы все отчасти знали этого человека, кто-то знаком, он ушёл в 2020 году от нас, он пытался исследовать эту проблематику, опубликовал несколько статей, он разрабатывал тему пустых форм как антропологического феномена, но уйти от философского осмысления он тоже не мог. Он выделял несколько путей возникновения этого феномена – это подмена значений, изначальное отсутствие именованности и это табуированность, как результат реакции, связанной с коллективным переживанием травмы.

Он показывал на антропологическом конгрессе замечательные кадры, говорил о том, что происходит, что это за материал для исследования, как это осмыслять. Возьмем пример. Это центр Ульяновска, площадь, я нашла вчера буквально этот кадр специально, готовясь к сегодняшнему семинару.

Это осколки старого Ульяновского кладбища, которые все разрубили на такие куски и уложили на площадь Ульяновска. Сделано это было в 2005 году. Практически 15 лет эта ситуация сохранялась, поэтому все ходили по осколкам, и никто не обращал никакого внимания на них, пока в 2018 году случайно совершенно журналист не обратил на это внимание, он сфотографировал их и представил материалы в сети.

Случился некий культурный коллапс, всё это покрасили краской, но Морозов говорит, что это за реакция общественного сознания. Люди не видят, это достаточно нормативно. Он говорил о том, что это не русский феномен, говорил о событиях в Руанде в 2005 году, про чудовищный геноцид тутси, миллионные жертвы, которые мировое сообщество несколько не замечало, никакой реакции глобальной на этот геноцид не последовало, там действительно было колоссальное количество жертв, по окончании этих событий они сделали мемориал в столице Руанда.

Мемориал выглядит таким образом – это погибшие люди, там очень жарко, они облиты известью. Там нет ни имен, никаких сведений о том, кто это. Там возникает у посещающих этот мемориал совершенно феноменальное состояние фрустрации, когда люди стоят перед этими ужасающими картинами, я сейчас буквально покажу минутный кадр. Что это за фрустрация? Это потеря себя в мире, в пространстве, но фрустрация связана и с потерей ощущения времени здесь, об этом нужно помнить. Так это выглядит, целый огромный мемориал в три этажа. Там жили люди, это был интернат студенческий, там были убиты все.

Тема пустых форм исследуется не только в области антропологии, но и в области религиозной топики. В 2001 году появилась в Петербурге, в духов-

ной академии, очень любопытная монография священника Михаила Легеева, которая называется «Богословия в истории». В ней впервые в истории русского богословия автор утверждает, что одна из центральных проблем сегодняшнего богословия – это определение проблем и границ в отношении с окружающим тварным миром. Утверждение возможности однообразной пустоты в сакраментальном отношении, лежащей вне этих пределов, являющейся результатом христобежного, не христоцентричного, развития мира. Он впервые говорит о возможности девиантных искажений истории.

Конечно, до Легеева об этом говорил Барт, но в русской традиции в богословии никогда это не звучало, никогда не было никаких попыток осмысления этого, именно девиантные искажения порождают пустотность.

22 февраля 2022 года, буквально за два дня до известных событий, у нас в Петербурге проходил когнитивный семинар, который проводит профессор Черниговская. На этом семинаре выступал очень любопытный докладчик – это математик из Массачусетса Александр Войнов, представивший концепцию табуированной достоверности как феноменологического свойства глубинных латентных знаний, которые могут быть опознаны в исследовании языковой картины мира через обнаружение пустых мест и лакун процессов метафоризации.

Несколько минут буквально об этом, потому что это как-то показалось наиболее интересным. Утверждение о табуированной достоверности основывается исследователем на тезисе о латентности как принципиальном свойстве модели мира. Структура модели, говорит Войнов, не дана человеку в интроспекции, она работает на латентном неосознаваемом уровне, не отмечаемом символической формой, на поверхности вербального сознания. Среди уровней градации континуума, выражающего картину мира, выделяется уровень собственного опыта, знания в себе, отвечающего за решение, представляющее интуитивный творческий акт и принципиально защищённого от формализации. Этот тезис о защите от формализации, вероятно, даёт возможность в принципе прибегать к топологическим исследованиям, потому что топологический метод – это метод неформального исследования.

Исследования, о которых говорит Войнов, позволяют увидеть феномен табуированной достоверности в процессе склейки значений и обнаружить варианты, объясняющие парадоксальные сочетания значений, неконтролируемые сознанием реципиента, обрабатывающие и формирующие глубинное знание – это знание, которое и отчасти подсознательное, и имеет генетическое происхождение.

Феномен табуированной достоверности выявляется путем кластерного анализа, когда на определённом этапе исследования обнаруживается так называемое пустое место, то есть лакуна в процессе подбора метафор реципиентом, появление неименованных понятий. Понятие есть, а метафоры нет, и место метафоризации остаётся пустым. Эти лакуны есть главное свидетельство, по мнению исследователя, процесса табуирования.

При этом они исследуют и состояние психическое, и состояние нейронное у человека, и отмечают ту самую фрустрацию, о которой говорил ещё Морозов, когда у человека буквально прекращается нервная деятельность по освоению и осознанию нового, когда человек действительно находится в некоем состоянии остановки.

Таким образом экспериментальным методом впервые установлено, что о специфических проявлениях глубинных латентных знаний, а именно об их табуированности, говорит так называемый сбой в процессе метафоризации и возникновении пустых мест. Можно говорить о том, что рациональное научное знание оперирует понятием достоверности до определённого предела.

Опираясь на исследование в области смежных дисциплин, в частности, когнитивного религиоведения, сейчас очень много этих зарубежных работ у нас переводится и публикуется, и Деннет, и Спербер, и замечательный канадский когнитивист Зенон Пылишин, мы можем говорить о табуированной достоверности, как о принципе, рассматриваемом и в религиозном дискурсе, и в богословском, объясняющем парадоксы метафоризации религиозных текстов.

Очень кратко я хотела рассказать об этом, потому что, может быть, это кого-то заинтересует и как-то с точки зрения философии можно осмыслить. Если есть вопросы, пожалуйста.

Смирнов С. А.: Спасибо. Коллеги, есть реплики, высказывания? Реплик нет. Надежда Зеноновна, можно Вас спросить? Я про этот эпизод в Ульяновске, когда люди ногами ходили по останкам кладбища. Можно метафору это продолжить – ходили по своей памяти. И дальше что?

Гаевская Н. З.: Можно и так. Дальше произошло следующее. Этот материал выложили в сеть, произошёл информационный коллапс, когда об этом стали говорить, немедленно администрация города организовала бригаду по закрашиванию этих плит. Они закрашены краской, их не изъяли, никуда не убрали, не переложили, это были события 2019 года, их закрасили краской, по этому поводу тоже есть кадры в сети.

Смирнов С. А.: Можно продолжить циничные примеры. Что такое Красная площадь? Это же некрополь, а там устраивают праздники, фигурное катание, парады.

Ростова Н.Н.: Если у нас по усадьбам походить, зачастую мы увидим кафе в склепе.

Смирнов С. А.: Сочетание несочетаемого происходит всегда и везде, тут же жизнь, тут же смерть, тут живые, тут мертвые, тут ушедшие предки, а тут мы гуляем, пьём пиво и кофе, это всегда происходит, к этому относиться можно по-разному, мне кажется, это та самая форма карнавала, которая всегда вокруг нас. Это плохо?

Гаевская Н. З.: Там вся странность в том, что люди этого очень долгие годы не видели, это же очевидно, там большие куски камня. Это странное явление.

Смирнов С. А.: Я понимаю, но то же самое на Красной площади, там гуляют постоянно. Но это же кладбище, а мы мимо него ходим.

Гаевская Н. З.: Это относится к тому, что мы не видим, это что-то с визуальным вероятно.

Смирнов С. А.: Потому что камень не воспринимается как могила, по могилам не ходят, ходят по плитке, в которую превратили остатки могил, для людей это не является святым местом, оно для них не сакрально, оно давно уже метаморфозу пережило. Место перестало быть сакральным.

Гаевская Н. З.: Говоря о работах Войнова, можно сказать, что здесь, вероятно, срабатывало табу, что люди видели это, здесь происходил какой-то подсознательный внутренний запрет на видение этого. Это возможный вариант.

Смирнов С. А.: Табу было снято, люди ходили ногами, это буквально метафора профанирования, табу было снято, скрыто, затоптано, сакрального ничего не осталось, ногами ходили по плитке от кладбища. Они просто ногами всё это стирают.

Гаевская Н. З.: В советское время в любой колокольне бывшей можно было обнаружить какой-нибудь привокзальную столовую.

Козолупенко Д. П.: Мне кажется, специфика этого случая как раз в демонстративности. Положили бы эти плитки другой стороной, был бы тот же вариант Красной площади, никого бы это не затронуло. Решение очень показательное, что краской покрасили, не видно стало.

Смирнов С. А.: Да, не вынули плитку.

Гаевская Н. З.: Коллеги, говоря о табуированности, я хочу отметить, что все-таки здесь разное понятие табуированности, здесь снято табу и десакрализация безусловно есть, но, если говорить о когнитивном подходе, то есть наша внутренняя табуированность, которая срабатывает вне зависимости от осознаваемого нами, и она налагает свои запреты.

Но, как вы, как философы, будете это анализировать и, возможно, как-то осмыслять, это другое, но тем не менее здесь немного другая табуированность.

Смирнов С. А.: Спасибо. У нас из присутствующих не выступала Наталья Викторовна Стороженко, которая подключилась попозже. Я правильно понимаю? Наталья Викторовна, Вы хотите выступить?

Стороженко Н. В.: Да, я хотела бы затронуть тему центениалов – это наше молодое поколение сейчас, которое очень хорошо линкуется в сегодняшней нашей теме с современными вызовами для человека и проблематизацией антропологического дискурса. Это молодое поколение, которое рождено после 2000-х годов, и нам необходим новый философский дискурс в общении с ними.

Проблема отцов и детей существовала во все времена, философы и писатели часто рассуждали на эту тему, говорили о том, что предыдущему поколению, безусловно, всегда сложно понять новое поколение. Однако современное поколение и наша текущая ситуация, наша среда по своей внутренней структуре и внешним факторам значительно отличается от той, в которой жили люди ещё 25 лет назад.

В настоящее время смартфон и легкая доступность интернета уже не просто облегчает жизнь индивида, а прямо диктует ему определённые нормы и модели поведения. Если учитывать, что шаг поколения по разным теориям варьируется от 15 до 25 лет, то очевидно, что поколения Y и Z смотрят на мир через иную призму восприятия, нежели поколение X и baby boomer.

Если раньше проблема отцов и детей носила скорее некий номинальный, пусть достаточно острый, характер рассуждений, основанных на разнице исторического и жизненного опыта, то сейчас мы наблюдаем ситуацию, когда данная проблема приобретает уже конкретную фактуру, именно сейчас мы можем наблюдать тот самый поколенческий сдвиг, который, вероятно, преодолевает историчность и предлагает нам абсолютно новые поведенческие модели.

Поколение центениалов – это люди, рождённые после 2000 года, я думаю, актуально говорить в нашей российской проблематике, потому что по некоторым западным теориям рассматривается даже период с 1991 года, это зависит

от уровня технологического развития страны исследуемого поколения. Для нас актуально рассматривать людей, рожденных после 2000 года.

Особенность этого поколения в том, что в отличие от поколения Y, миллениумов, к коим и я отношусь, чье детство пришлось на конец 80-х и 90-х годов, центениалы не имеют опыта существования вне цифрового пространства. Если поколение миллениумов в своём жизненном опыте содержат воспоминания о периоде некой классической модели взаимодействия с окружающим миром, то центениалы являются первым поколением людей, родившимся со смартфоном в руке.

В настоящее время складывается довольно противоречивый образ среднестатистического центениала, и хочется этот образ как раз обсудить, подискутировать о том, что же с ним делать.

На текущий момент существует большое количество различных исследовательских работ, не буду их перечислять. Среди исследований называются такие черты поколения, как многозадачность, трудности удержания внимания, снижение критичности мышления в когнитивной сфере, инфантилизм, иногда смещается ответственность, прагматизм, индивидуализм и уверенность, иногда гедонизм в личностной сфере, достижение успехов в ценностно-смысловой сфере.

Также представители поколения Z склонны к переживанию тревоги и депрессии, и под влиянием социальных сетей либо предпочитают меньше общаться, либо не могут находиться наедине с собой. У них наблюдается общая тенденция к глобальному безграничному мышлению, они хотят изменить мир к лучшему, даже предпринимают какие-то практические шаги, но они обычно ограничиваются какой-то узкой специализацией.

Но в целом центениалов принято ругать за инфантилизм, индифферентность и отсутствие целеполагания. Такой портрет на фоне всё более отчетливо проявляющегося антропологического кризиса XXI века, будущность поколения Z у нас вызывает много дискуссий и вопросов.

Такие дискуссии на текущий момент наполнены либо верой в их исключительный потенциал, либо прагматизмом и критикой, и к последним в первую очередь относятся рассуждения специалистов гуманитарных областей, беспокойство вызывает потенциал и реализация сферы личностного развития поколения центениалов, которую уже сейчас на педагогическом материале можно наблюдать и видеть очевидные изменения в восприятии информации окружающего мира, её переработки и реакциях, которые могут иметь очень серьезные последствия для человека как антропологического существа.

Несмотря на тотальное научно-технологическое развитие, а также склонность к формированию объективно доказуемой, осязаемой реальности, у центениалов наблюдается склонность к упрощению и субъективному размыванию смыслов. Такую тенденцию можно рассмотреть через понятие интерсубъективности.

Здесь, чтобы оставаться в каком-то очень актуальном контексте, я бы хотела порассуждать про то понятие интерсубъективности, которое представляет нам Юваль Ной Харари в своей актуальной книге «Homo Deus». Он рассматривает эту интерсубъективность, используя некую константу, которая должна за этой интерсубъективностью быть, и в качестве такой константы он предлагает религию.

Он описывает простую структуру этого интер-субъективного смысла, которая в его трактовке формируется на стыке этических, фактологических и практических суждений. При этом автор не отстаивает религию как необходимый феномен, для него она лишь пример основополагающего мифа, при помощи которого он доказывает, что смысл суждения, несмотря на наше стремление к объективности, всегда в своей основе интер-субъективен.

При этом интер-субъективный смысл невозможен без участия этого самого мифа, который он связывает с религией. Даже современный технологический мир и прогресс глубоко мифологичен в своей основе. Давайте для примера вспомним «пророка» Стива Джобса и его Apple.

Другими словами, мифы и некие вымыслы – это фундамент и опора современного общества, поэтому, рассуждая о современном мире, Харари говорит о том, что наука и технологии поменяли правила игры, однако это не была замена мифов фактами. Он говорит о том, что благодаря компьютерам и биотехнологиям разница между вымыслом и реальностью будет стираться по мере того, как люди будут переделывать действительность, чтобы она соответствовала их любимым сказкам.

Рассуждения Харари очень показательны демонстрируют хрупкость и нестабильность интер-субъективного поля перед лицом прогресса, и самыми субъективными перед таким глобальным усилением оказываются центениалы, поскольку они, очевидно, в меньшей степени владеют навыками исторического и критического типов мышления, благодаря которым стоит полагать возможным когнитивно размыкать составляющие интер-субъективного смысла.

Рассматривая данную тенденцию, возникает закономерный вопрос о том, что должна предпринимать гуманитарная сфера и философия, в частности, для выстраивания эффективного диалога с поколением Z, а также с последующими поколениями.

Очевидно, уже сейчас нам необходимо активно исследовать и внедрять новые подходы, изменять существующие дискурсы, внедрять, вероятно, методы философского анализа в педагогику. В противном случае в скором времени философия может потерять свой фундаментальный критический статус, «непонятная» наука частично останется в академических кругах, а частично распадётся на узко специализированные дисциплины.

Однако необходимо сразу отказаться, говоря о центениалах и выстраивании диалогов, на мой взгляд, от идеи упрощения диалога. Это то, к чему на текущий момент тяготеет педагогическая методология. Справедливо говорит исследователь Савещенко, пишущий как раз об этой педагогической методологии, он делает ремарку о том, что из понимания и непонимания не должно вытекать своеобразного педагогического коллаборационизма, присущего сегодня некоторым инновационным теоретикам в педагогике, которые считают учеников обладателями некоего сакрального цифрового знания, поэтому они сдают им на милость. Такого подхода не должно быть, потому что это только усилит проблемную тенденцию.

Новый философский дискурс должен найти, на мой взгляд, баланс между академичностью знаний и доступностью содержания, поэтому специалисты по философии должны уже сейчас начинать понимать особенности восприя-

тия центениалов, а также принимать участие, внедрять новые подходы в обучении.

Как говорил профессор Гуревич, хотелось бы вспомнить Павла Семеновича, закончить его цитатой: «Мировоззренческие задачи ответственной философии состоят в том, чтобы фиксировать не только складывающиеся едва ли не стихийно цивилизованные сдвиги, но и возвысить свой голос против социологического эффекта Эдипа, когда мрачные прогнозы реализуются бессознательно в силу захваченности этим проектом». Спасибо большое.

Смирнов С. А.: Спасибо, Наталья Викторовна. Вопросы, реплики? Наталья Викторовна, у меня к Вам вопрос. Как Вы считаете, Вам не кажется, что это представление об этом поколении, вообще представления о поколении, ведь социологи выработали в доцифровую эпоху, о том, что такое поколение, детство, юность, взрослость, все эти переходы возрастные, говоря о проблеме конфликта поколений, всё это было давно выработано в возрастной психологии, в социологии и так далее.

Потом мы берем это, накладываем на этих 20-летних и начинаем их как-то просчитывать, описывать специфику поколения. Вам не кажется, что мы имеем дело со своими галлюцинациями?

Стороженко Н. В.: У меня есть опыт работы в маркетинге, я непосредственно вижу эти исследования, смотрю на восприятие, я могу сейчас центениалов сравнивать с миллениумами. К сожалению, наверное, можно спроецировать центениалов на миллениумов лет через 15, но всё-таки есть вопрос переработки информации, даже восприятия окружающего мира и нежелания разжевывать эту информацию, доходить до сути.

Мы сейчас существуем в очень упрощённом пространстве для получения информации. Чтобы получить ответ, можно просто загуглить и получить ответ, вам не нужно читать книгу, формулировать этот ответ для себя и понимать, что это значит. Такая тенденция действительно есть, даже если подходить с точки зрения маркетинга, как они воспринимают и перерабатывают эту информацию.

Здесь я могу со своей стороны сказать, у меня есть этот исследовательский материал, я могу эту тенденцию отметить, поэтому она всё-таки есть. Я не хочу всех категоризировать и говорить, что у нас упущенное поколение. Нет, все люди разные, в разных условиях формируются, но общая тенденция на упрощение мировосприятия есть.

Смирнов С. А.: Ещё более жесткое суждение. Мое общение, которому за 60, с этими 20-летними, такое, как будто с марсианами. Они выросли в другом мире, в цифровом, виртуальном, в параллельной реальности, они не читают длинных текстов, они ориентируются в пространстве гипертекстов, у них другой способ ориентации в мире, другие привычки, устои и так далее. Это другая галактика.

Козолупенко Д. П.: Не соглашусь с Вами, Сергей Алевтинович. Молодежь, с которой общаюсь я, читает литературу в печатном виде, длинные тексты.

Смирнов С. А.: Вам так кажется.

Козолупенко Д. П.: Я их знаю лично.

Смирнов С. А.: Это ваш личный опыт, Вам повезло. Наталья Викторовна социолог, она оперирует понятием поколения, где есть показатели. Какие-то сумасшедшие единицы читают до сих пор Достоевского, но это единицы,

но поколение не читает Достоевского, как поколение, для него он не является писателем его поколения.

Вопрос о том, как Вы с ним, как со взрослым, общаетесь, с этим миром, который в другой галактике? Не возникает ли ощущения, что мы строим конструкт и сами его объясняем, кто они такие. Но на самом деле к ним дорожка не проторена, мы с ними не общаемся, и мы им не интересны.

У них образцы и ценности не в нашем поколении и не в тех текстах, у них образцы лежат в виртуальном мире, они там берут образцы, причём самые разные. У них там иерархий никаких нет, в виртуальном мире сняты все иерархии, все библиотеки, всё перемешано, в этом смысле по поводу этого мира виртуального, как превращенной формы, нужны принципиально иные подходы и конструкты.

Козолупенко Д. П.: Кафедра философии образования, которая есть на нашем факультете, очень критично относится к этой классификации. У нас была конференция «Философия образования», я не помню уже, полтора года назад, возникала эта тема. Там очень резкая и категорическая позиция, что это деление экономическое, введенное изначально для того, чтобы понять, как лучше продвигать определённый товар, как лучше воздействовать на определённые сегменты рынка.

Это не имеет никакого отношения к антропологии, как таковой, потому что по большому счету кафедра философии образования, по идее, для них это должна быть злободневная проблема, как общаться с этим поколением, потому что рождённые в 2000 году – это наши студенты, первый, второй курс, поступающие сейчас, плюс школьники.

Люди, которые практически с ними работают, вырабатывают новые концепты, они почему-то, основываясь на каких-то исследованиях, я сейчас фамилию приводить не буду, чтобы всех не пугать больше, склоняются к тому, что мы всё-таки должны прибегать к концепциям воспитания, образования общечеловеческим, а не к поколенческим.

Здесь очень чёткая позиция, я с ними склонна согласиться, что мы должны исходить не из какого-то частного исследования в области экономической. Создатели этой теории поколения – это экономисты-писатели, которые изучают конкретно общество США в определённый период, кстати, теория эта была достаточно давно, 1991 год. Тогда по поводу рождённых со смартфонами в руках как-то было ещё странно говорить, тогда ещё не было центиналов, потому что был 1991 год, говорить что-то о тех, кто родился в 2000 и позже, было просто невозможно. Но факт в том, что это изначально экономическая социологическая теория.

То есть у нас вопрос гораздо более глубокий, насколько мы можем вообще какие-то исследования социологические, экономические и так далее, маркетинговые можем применять, как базовые, для нашего исследования в философской антропологии.

Коллеги с кафедры философии образования предполагают, что это ход неверный. Мне кажется, что они в этом отношении правы, мы, наоборот, должны советовать, исходя из того, что такое человек, как мы можем какие-то особенности поколения рассмотреть, почему они появляются, что здесь происходит, но не наоборот, мне так кажется. Может быть, это моя частная позиция.

Смирнов С. А.: Спасибо.

Ростова Н. Н.: Позвольте, у меня тоже есть небольшая реплика по поводу сказанного. Мне кажется, что человек – существо пластичное, и говорить о том, что рядом с нами присутствуют какие-то особенные поколения, проблематично. Мы сами в этом мире живём, сейчас сидим в Zoom, реагируем на ту рекламу, которой нас бомбардируют и проч.

На днях я была на прекрасной выставке в Третьяковской галерее «Лики модерна». Там целый зал афиш столетней давности, начала XX века. Эти афиши сложно воспринимать, на них представлены целые замысловатые образы, использованы причудливые шрифты, начертаны какие-то вежливые призывы сделать подписку на журнал «Нива» и так далее. Это две планеты – мы и люди того времени. Мы другие, мы не среагируем на эти афиши с прекрасными намеками на какую-то на тот момент современную живопись и смыслы, не откликнемся на сочетание цветов и декоративность. Но дело не в том, в каком году мы родились – в 1990, в 1980 или 2000 году, а в том, что сегодня я, к примеру, слышу признания своих коллег, причём лучших представителей нашего поколения, о том, что они перестали читать книги. Почему? Потому что новые ритмы заставляют тебя перестраиваться, меняют твоё восприятие. И здесь мы неразрывны с новыми поколениями.

Смирнов С. А.: Спасибо. С моей точки зрения, принцип поколения связан с исторической ситуацией. Мы знаем, что было поколение войны, там люди разного паспортного возраста были одним поколением войны, отвечали они на один вызов, хотя там были разные люди.

Или было поколение шестидесятников, тоже разного паспортного возраста, но речь идёт о том, что есть некая когорта людей, которые отвечают на новый исторический вызов, тогда решается какая-то культурная задача, у этого поколения своё культурное задание. Вопрос сейчас такой, какой сейчас культурный вызов и какое культурное задание получает новое поколение?

Тогда вопрос не про то, что у кого по паспорту, а как и кто подключается к этому вызову, как отвечает, берёт ли он это задание как свое, и так далее. Я бы так ответил. Спасибо большое.

Коллеги, мы выступили все. Вячеслав Николаевич! Мы сидим два с половиной часа, может будем как-то завершать? Если у кого-то есть какая-то резюмирующая реплика, можно высказаться, а можно просто сказать друг другу большое спасибо и попрощаться.

Данилов В. Н.: Наталья Николаевна, не возражаете?

Ростова Н. Н.: Я хотела бы поблагодарить всех за участие в дискуссии. Мне кажется, выбранный нами формат – самый продуктивный. С одной стороны, все высказались, с другой, беседа прошла живо, по существу и с теми акцентами, которые действительно для всех нас важны. Спасибо большое.

Смирнов С. А.: Всем большое спасибо. Вячеслав Николаевич, я правильно понял, мы вели запись?

Данилов В. Н.: Да, конечно.

Смирнов С. А.: Есть возможность сделать расшифровку нашего разговора, опубликовать в журнале.

Данилов В. Н.: Да, будет замечательно.

Смирнов С. А.: Вы согласны с этим?

Данилов В. Н.: Да, конечно.

Смирнов С. А.: Тогда, Вячеслав Николаевич, я от Вас жду ссылку, будем готовить расшифровку для публикации в журнале «Человек.RU». Спасибо большое, тогда на связи, всех благ, здоровья, не болейте. Будем дальше искать человека, спасибо большое.

Ростова Н. Н.: Спасибо, до свидания.